

ЭНН КЛИВЗ

**РАССКАЗЫВАЯ
СКАЗКИ**

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К49

Ann Cleeves
TELLING TALES

Copyright © 2005 by Ann Cleeves

Редактор серии *И. Рябцова*

Оформление серии *Я. Паламарчук*

Кливз, Энн.
К49 Рассказывающая сказки / Энн Кливз ; [перевод с английского М. Булычевой]. — Москва : Эксмо, 2021).

ISBN 978-5-04-118758-3

Десять лет прошло с тех пор, как Джини Лонг обвинили в убийстве пятнадцатилетней Эбигейл Мэнтел. А теперь обитатели йоркширской деревни Элвет с ужасом узнают, что появились новые улики, свидетельствующие о невиновности Джини. Значит, убийца Эбигейл все еще на свободе.

Для Эммы Беннетт это открытие означает возвращение воспоминаний о жизнерадостной подруге – и о жутком зимнем дне, когда она обнаружила ее тело, лежащее в холодной канаве.

Инспектор Вера Стэнхоуп начинает новое расследование в прибрежной деревне, и ее жители вынуждены вернуться в то время, о котором они надеялись забыть. Напряжение нарастает. Но чего они боятся больше – убийцы или собственного постыдного прошлого?

Постепенно Вера узнает историю каждого из них и все больше убеждается, что вскоре ей предстоит раскрыть несколько страшных тайн.

**УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44**

© Булычева М., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-118758-3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Эмма сидела у окна спальни и смотрела на ночную площадь. Ветер, грохотавший черепицей и свистевший по двору церкви, выплюнул банку из-под колы на асфальт. В ночь, когда умерла Эбигейл Мэнтел, была буря, и, казалось, ветер не утихал с тех пор — будто все эти десять лет бушевала непогода, град пулями барабанил по ее окнам и ветер вырывал деревья с корнями. Так и было — по крайней мере, с того момента, как родился ребенок. С тех пор, когда бы она ни проснулась ночью — покормить сына или встретить Джеймса, поздно вернувшегося с работы, — постоянно шумел ветер и гудел в ее голове, как бывает, когда приложишь к уху ракушку.

Джеймса, ее мужа, пока не было дома, но она ждала не его. Ее взгляд был сосредоточен на Старой кузнице, где Дэн Гринвуд делал горшки. В окне горел свет, и время от времени ей казалось, что она видит тень. Она представляла себе, как Дэн все еще работает, в своем синем холщовом фартуке. Как, прищурившись, лепит глину сильными загорелыми руками. Она представила себе, как оставляет ребенка, который крепко спит в кроватке, закутанный в одеяло. Выскальзывает из дома на площадь и, держась в тени, переходит ее и идет к кузнице. Вот она толкает одну из больших арочных дверей, как в церкви, и проходит внутрь. Под высокой крышей кузницы меж

полукруглых балок, поддерживающих свод, видно черепицу. В своей фантазии она чувствует жар горна и видит на пыльных полках необожженные горшки.

Дэн Гринвуд поднимает на нее взгляд. Его лицо покраснелось, в морщинах на лбу залегла красная пыль. Он отходит от скамьи, на которой сидел за работой, и подходит к ней. Она чувствует, как ее дыхание учащается. Он целует ее в лоб и начинает расстегивать рубашку. Касается ее груди, поглаживая и оставляя на коже следы красной глины, как у индейцев. Она чувствует, как глина засыхает, кожа стягивается, и она ощущает легкое покалывание.

Картинка померкла, и вот она снова в их с мужем спальне. Она осознала, что грудь ее покалывает от тяжести молока, а не от высохшей глины. Ребенок захныкал и начал слепо хватать воздух обеими ручками. Эмма подняла его из кровати, чтобы покормить. Дэн Гринвуд никогда не касался ее, и, вероятно, никогда не коснется, сколько бы она об этом ни мечтала. Часы на церкви пробили полночь. Джеймс уже наверняка пришвартовал корабль в порту.

Такую историю Эмма рассказывала себе, сидя у окна в своем доме в деревне Элвет. Беглый обзор своих чувств, как будто она была посторонним, заглянувшим в ее мысли. Так было всегда — ее жизнь была чередой сказок. Перед рождением Мэттью она задумывалась, заставит ли ее появление ребенка больше включиться в жизнь. Ведь что может быть реальнее, чем труд? Но теперь, проводя мизинцем между ртом ребенка и своим соском, чтобы прервать кормление, она подумала, что это не так. К нему она испытывала не больше чувств, чем к Джеймсу. Была ли она другой до того, как нашла тело Эбигейл Мэнтел? Вероятно, нет. Она подняла сына на плечо и погладила его по спине. Он потянулся и схватил ртом прядь ее волос.

Комната находилась наверху аккуратного дома Георгианской эпохи, из красного кирпича, с красной черепицей. Вход располагался посреди симметричного фасада с прямоугольными окнами. Дом построил моряк, торговавший с Голландией, и Джеймсу это нравилось. «Мы продолжаем традицию, — говорил он, показывая ей комнаты. — Особняк как будто остался внутри семьи». Эмма считала, что он слишком близко к ее дому, к воспоминаниям об Эбигейл Мэнтел и Джини Лонг, и сказала, что в Халле было бы удобнее жить с точки зрения его работы. Или в Беверли. Беверли — приятный город. Но он сказал, что Элвет ему тоже подходит.

«И тебе будет хорошо, поближе к родителям», — сказал он, и она улыбнулась и согласилась, как всегда. Ей нравилось делать ему приятно. На самом деле ей не так уж и нужна была компания Роберта и Мэри. Несмотря на помощь, которую они предлагали, с ними ей всегда было некомфортно. Она почему-то чувствовала себя в чем-то виноватой.

В шуме ветра она услышала еще один звук — звук мотора. Свет фар скользнул по площади, ненадолго осветив ворота церкви, где ветер поднимал в воздух мертвые листья. Джеймс припарковался на гравии, вышел и с силой захлопнул дверь. Одновременно Дэн Гринвуд вышел из Старой кузницы. Он был одет, как Эмма себе и представляла, в джинсы и синий фартук.

Она думала, что сейчас он сдвинет тяжелые двери и закроет их ключом, который хранит на цепочке, прикрепленной к ремню. Потом вставит тяжелый навесной замок в железные кольца, прикрученные к каждой двери, и протолкнет дужку. Она много раз наблюдала за этим ритуалом из окна. Но вместо этого он пересек площадь навстречу Джеймсу. На нем были тяжелые рабочие сапоги, громко стучавшие по мостовой, и Джеймс обернулся.

Увидев их вместе, она подумала, какие они разные. Дэн был темнокожим — как будто не из местных. Он мог бы сыграть злодея в готической мелодраме. Джеймс — бледный вежливый англичанин. Вдруг ее охватила тревога оттого, что они встретились, хотя причин тому не было. Дэн не мог догадываться о ее фантазиях. Она ничем себя не выдавала. Она осторожно приподняла окно, чтобы расслышать их разговор.

Занавески затрепетали. В комнату подул ветер с привкусом соли. Она почувствовала себя ребенком, подслушивающим разговор взрослых, может, родителей и учителя, которые обсуждают успеваемость. Никто из мужчин не обратил на нее внимания.

— Ты видел новости? — спросил Дэн.

Джеймс покачал головой.

— Я только что сошел с латвийского контейнера. Списался в Халле и сразу поехал домой.

— Значит, ты не слышал от Эммы?

— Она не любитель новостей.

— Джини Лонг покончила с собой. Ей опять отказали в досрочном. Случилось пару дней назад. Молчали все выходные.

Джеймс стоял, держа в руке брелок от ключей, собираясь запереть машину. На нем все еще была форма, и он выглядел по-щегоольски старомодно, словно принадлежал тому времени, когда был построен дом. Медные пуговицы на кителе тускло поблескивали в свете фар. Голова была непокрыта — он держал фуражку, зажав под мышкой. Эмме вспомнилось, как когда-то он был героем ее фантазий.

— Не думаю, что для Эм это что-нибудь изменит. Спустя все это время... Не то чтобы она так уж хорошо знала Джини. Когда все это произошло, она была очень юной.

— Дело Эбигейл Мэнтел хотят снова открыть, — сказал Дэн Гринвуд.

На секунду воцарилась тишина. Эмма задумалась, откуда Дэн мог знать обо всем этом. Они что, обсуждали ее у нее за спиной?

— Из-за самоубийства? — спросил Джеймс.

— Из-за того, что появился новый свидетель. Похоже, что Джини Лонг не могла убить ту девочку. — Он замолчал. Эмма видела, как он потер лоб широкими короткими пальцами, словно пытаясь стереть усталость. Интересно, почему его так сильно волновало убийство десятилетней давности. Она видела, что волновало, что он не мог заснуть, думая об этом. Но он даже не жил с ними в этой деревне. Он убрал руки от лица. Следов глины на коже не осталось — наверное, помыл руки, выходя из кузницы. — Жалко, что Джини никто не сказал, да? — сказал он. — Может, она была бы сейчас жива.

Внезапный порыв ветра словно оттолкнул их друг от друга. Дэн поспешил обратно к кузнице, чтобы закрыть двери. «Вольво» закрылся, мигнув боковыми фарами, и Джеймс стал подниматься по лестнице к входу. Эмма отошла от окна и села на стул у двери. Она подняла ребенка к груди, поддерживая его рукой.

Когда Джеймс зашел, она все еще сидела там. Она включила маленькую лампу рядом с собой. Остальная комната тонула в темноте. Ребенок закончил есть, но она еще держала его у груди, и иногда он снова начинал сосать во сне. По его щеке струйкой стекало молоко. Она услышала, как Джеймс осторожно ходит вниз, и скрип ступенек подготовил ее к его появлению. Она уже ждала его с улыбкой на лице. Мать и дитя. Как на голландских картинах, которые он таскал ее смотреть. Он купил домой репродукцию, повесил в большой позолоченной раме. Она заметила, что ее подготовка не прошла даром — он улыбнулся в ответ, и вдруг стал выглядеть замечательно счастливым. Она удивлялась, почему вдруг ее стал больше привлекать Дэн Гринвуд, который мог выгля-

деть неопрятным и крутил маленькие тонкие самокрутки из табачной стружки.

Она осторожно подняла ребенка и положила его в колыбельку. Он сморщил рот, словно все еще искал грудь, глубоко вздохнул от разочарования, но не проснулся. Эмма застегнула бюстгальтер для кормления и накинула халат. Отопление было включено, но в этом доме всегда были сквозняки. Джеймс нагнулся, чтобы поцеловать ее, касаясь ее губ кончиком языка, так же настойчиво, как ребенок, просивший еды. Он хотел бы заняться сексом, но она знала, что настаивать не будет. Больше всего на свете он опасался конфликтов, а она в последнее время вела себя непредсказуемо. Все могло закончиться слезами, а он не стал бы так рисковать. Она осторожно его оттолкнула. Внизу он налил себе небольшой стакан виски, и все еще держал его в руке. Он сделал глоток и поставил стакан на столик около кровати.

— Сегодня все было в порядке? — спросила она, чтобы смягчить отказ. — Такой ветер. Я думала, как ты там, в темноте, среди этих волн.

Ни о чем таком она не думала. По крайней мере, сегодня. Когда она впервые его встретила, она фантазировала о нем, представляла себе, как он идет в открытом темном море. Теперь романтика куда-то пропала.

— Ветер был восточный, в сторону берега, — ответил он. — Помог нам зайти в порт. — Он улыбнулся ей довольной улыбкой, и она обрадовалась, что сказала правильные слова.

Он начал медленно раздеваться, расслабляя напряженные мышцы. Он был лоцманом. Встречал корабли в устье Хамбера и вел их безопасным путем в доки Халла, Гула или Иммингхэма или выводил их из реки. Он относился к работе серьезно, чувствовал свою ответственность. Он был одним из самых молодых высококвалифицированных лоцманов, работавших на Хамбере. Она очень им гордилась.

Так она себе говорила, но слова пустым эхом отдавались в голове. Она пыталась не поддаваться панике, нараставшей в ней с того момента, как она услышала разговор двух мужчин на площади, словно огромная волна, поднимающаяся из ниоткуда на море.

— Слышала, ты говорил на улице с Дэном Гринвудом. О чем таком важном можно говорить в такой час?

Он сел на кровать с обнаженным торсом. Он весь был покрыт тонкими светлыми волосками. Хотя он был на пятнадцать лет старше ее, это было совершенно незаметно — он был в очень хорошей форме.

— Джини Лонг покончила с собой на прошлой неделе. Ну, помнишь, Джини Лонг. Ее отец раньше был рулевым на катере. Женщина, которую осудили за удушение Эбигейл.

Ей захотелось на него закричать. *Конечно, я знаю. Я знаю об этом деле больше, чем ты когда-либо знал.* Но она просто посмотрела на него.

— Ей не повезло. Дэн говорит, только что появился новый свидетель. Дело снова открыли. Джини могли бы выпустить. Ужасное совпадение.

— Откуда Дэну Гринвуду все это известно?

Он не ответил. Она решила, что он, наверное, уже думал о другом, может, о коварном отливе или о перегруженном корабле, об угрюмом шкипере. Он расстегнул ремень и встал, чтобы снять брюки. Аккуратно сложил их и повесил на вешалку в гардеробе.

— Иди в постель, — сказал он. — Поспи немного, пока есть возможность. — Наверное, он уже выбросил Эбигейл Мэнтел и Джини Лонг из головы.

Глава вторая

Вот уже десять лет Эмма пыталась забыть день, когда обнаружила тело Эбигейл. А теперь она заставляла себя его вспомнить, чтобы рассказать о нем свою историю.

Был ноябрь, и Эмме было пятнадцать. Небо было затянуто грозовыми тучами цвета грязи и почерневших на ветру бобовых ростков. У Эммы был только один друг в Элвете. Ее звали Эбигейл Мэнтел. У нее были огненно-рыжие волосы. Ее мать умерла от рака груди, когда Эбигейл было шесть. Эмма, втайне мечтавшая о том, чтобы ее отец умер, была шокирована, почувствовав в себе некоторую зависть от того, сколько сочувствия вызывал этот факт. Эбигейл не жила в сыром доме, полным сквозняков, и ее не таскали в церковь каждое воскресенье. Отец Эбигейл был богат, как только возможно быть богатым.

Эмма подумала, так ли она рассказывала себе эту историю тогда, но не смогла вспомнить. Что же она помнила о той осени? Большое черное небо и ветер с песком, царапавший лицо, когда она ждала автобус в школу. Злость на отца за то, что он привез их сюда.

И Эбигейл Мэнтел, экстравагантная, как телезвезда, с огненными волосами и дорогой одеждой, ее позы и надутые губы. Эбигейл, сидевшая рядом с ней в классе, списывавшая у нее и с пренебрежением глядевшая на всех парней, которым она нравилась. Такие контрастные воспоминания: холодный монохромный пейзаж и пятнадцатилетняя девочка, такая яркая, что одного взгляда на нее было достаточно, чтобы согреться. Конечно, пока она была жива. Когда она умерла, то выглядела так же холодно, как и замерзшая грязь, в которой Эмма ее нашла.

Эмма заставила себя вспомнить момент, как она нашла тело Эбигейл. Хотя бы эту честь она должна была ей оказать. В комнате в доме голландского капитана сопел ребенок, ровно и медленно дышал Джеймс, а она вспоминала, как шла вдоль бобового поля, силясь сделать образы максимально реальными. Пожалуйста, здесь никаких фантазий.

Ветер был таким сильным, что дышать приходилось прерывисто, как ее потом учили дышать во время родов перед тем, как тужиться. Укрыться было негде. Вдали на линии горизонта поднимались смехотворно величественные церковные шпили, отличительная черта этой части графства, но небо казалось огромным, и она воображала себя единственным человеком под ним.

— Что ты там делала, совсем одна, в грозу? — мягко спрашивала ее потом женщина-полицейский, как будто и правда хотела знать, как будто вопрос не был частью расследования.

Но, лежа рядом с мужем, Эмма знала, что *это* воспоминание, воспоминание о ее матери и полицейском, сидевших на кухне у них дома и обсуждавших подробности ее находки, было всего лишь ширмой. Эбигейл заслуживала большего. Она заслуживала всю историю.

Итак... был вечер воскресенья, ноябрь. Десять лет назад. Эмма боролась с ветром, пробираясь к небольшому откосу, где находилась часовня, перестроенная под дом, где жила семья Мэнтелов. Она была раздосадована, злилась. Злилась настолько, что выбежала из дома в такой отвратительный вечер, хотя скоро уже должно было темнеть. Она шла и в мыслях бесновалась из-за родителей, из-за того, как несправедливо иметь невменяемого, тираничного отца, который стал таким, когда она выросла. Почему он не мог быть, как отцы других девочек? Как отец Эбигейл, например? Почему он говорил, как персонаж из библейских рассказов, так, что усомниться в его мнении было все равно, что усомниться в правоте самой Библии? Почему он заставлял ее чувствовать себя виноватой, хотя она не сделала ничего плохого?

Она наткнулась ногой на острый камень и споткнулась. По лицу текли слезы и сопли. На секунду

она замерла, не вставая, стоя на коленях и ладонях. Она ободрала руки, упав на них, но здесь, ближе к земле, по крайней мере, легче дышалось. Потом она осознала, как нелепо, должно быть, выглядела, хотя в такой вечер вокруг не было никого, кто мог бы ее увидеть. Падение привело ее в чувство. Наверное, лучше вернуться домой и извиниться за скандал. Лучше раньше, чем позже. Вдоль поля шла сточная канава. Она поднялась, и ветер снова ударил ей со всей силой в лицо. Она отвернулась от него. И в этот самый момент заглянула в канаву и увидела Эбигейл. Сначала она узнала ее куртку — синяя стеганая куртка. Эмма хотела такую же, но мать пришла в ужас, увидев, сколько она стоит. Эбигейл она не узнала. Наверное, это кто-то другой, наверное, Эбигейл одолжила куртку двоюродной сестре или подруге, кому-нибудь, кому она тоже понравилась. Кому-то, кого Эмма не знала. У этой девочки было уродливое лицо, а Эбигейл никогда не была уродиной. И никогда не была такой тихой — Эбигейл постоянно болтала. У этой девочки был распухший язык и синие губы. Она больше не смогла бы ни говорить, ни флиртовать, ни дразниться, ни усмехаться. Белки ее глаз были в красных пятнах.

Эмма не могла пошевелиться. Она осмотрелась по сторонам и увидела кусок черного полиэтилена, метавшийся на ветру, как огромный ворон, хлопавший крыльями над бобовым полем. А потом, как в сказке, появилась ее мать. Эмма вглядывалась далеко в горизонт, и ей казалось, что ее мать была единственным живым человеком во всей деревне, кроме нее самой. Она с трудом пробиралась по тропинке к дочери, запрятав седеющие волосы в капюшон старой куртки, а из-под ее лучшей воскресной юбки торчали резиновые сапоги. Последнее, что Роберт сказал, когда Эмма бросилась вон из кухни, было: «Оставь ее. Пусть будет ей уроком». Он не кричал. Он говорил спокойно, даже добро-

желательно. Мэри всегда делала, как велел ей Роберт, и видеть ее фигуру на фоне серого неба, как будто растолстевшую, потому что она закуталась от холода, было почти так же поразительно, как видеть Эбигейл Мэнтел, лежавшую в канаве. Через пару секунд Эмма осознала, что это все-таки была Эбигейл. Ни у кого больше не было такого цвета волос. Она ждала, когда мать подойдет к ней, и слезы катились по ее щекам.

В нескольких ярдах от нее мать распахнула объятия и остановилась, дожидаясь, чтобы Эмма подбежала к ней. Эмма всхлипывала и задыхалась, не в состоянии говорить. Мэри обняла ее, убрала волосы с лица, как делала еще тогда, когда они жили в Йорке, а Эмма была маленькая и часто видела кошмары.

— Ничто не стоит таких переживаний, — сказала Мэри. — В чем бы ни было дело, мы с этим разберемся. Она имела в виду — *ты знаешь, твой отец делает только то, что считает правильным. Если мы все ему объясним, он скоро это примет.*

Тогда Эмма потащила ее к канаве и показала на тело Эбигейл. Она знала, что даже мама не сможет разобраться с этим и все уладить.

Мэри в ужасе замолчала. Как будто ей тоже нужно было время, чтобы осознать. Затем ее голос зазвучал снова, неожиданно резко, требовательно.

— Ты ее трогала?

Эмма была в шоке, ее трясло.

— Нет.

— Мы больше ничего не можем для нее сделать. Ты меня слышишь, Эмма? Мы пойдем домой и позвоним в полицию, и какое-то время все будет казаться кошмарным сном. Но твоей вины здесь нет. Ты ничего не могла сделать.

Эмма подумала: *Хотя бы Иисуса не стала упоминать. Хотя бы не ждет, что я найду в нем утешение.*